

основополагающими установками русской ментальности, проистекающими из специфики русской культуры, реализовавшей трансцендентный характер власти. Поэтому рожденный этой культурой тип субъективности задан не властвованием над собой, не опытом самоуправления, а обживанием пространства, местом в бытии. Описывающий идею социального единства принцип соборности, сакрализирующий феномен места, является наглядным подтверждением этого тезиса. В силу этого, в отличие от западных моделей, В.В. Розанов осуществляет реконструкцию повседневности, мира частной жизни, дома как позитивного фактора и необходимого условия человеческого бытия. Постулируя сакральный и смыслообразующий характер повседневного бытия, утверждая, что вечное живет в повседневном, дано человеку «здесь и сейчас», русский философ проводит религиозно-онтологический поворот от мира «литературности» и «публичности» как сферы формирования человеческой самости к интимно-сакральному пространству дома. Именно в этом пространстве, по мнению В.В. Розанова, рождается новая субъективность, заданная диалогом с Другим, понятым как сочувственная открытость самобытному существованию мира вещей, как сострадающая встреча с иной индивидуальностью, как опыт внедискурсивного общения с высшей онтологической реальностью. Реконструируемая в философии Розанова повседневность призвана служить имманентным смысловым центром человеческого бытия, что находит свое выражение в специфическом модусе языка («рукописности души»), который утрачивает связь с формулирующими властными механизмами и разворачивается как естественная спонтанность речи, преодолевающая вменяющий характер классического дискурса. Это новое единство текста предопределяется не готовой формой субъективности, а неповторимостью жизненных ритмов, особым типом субъективности, которая вырастает в пространстве дома, мире повседневного бытия.

Эта новая субъективность лишена главной определяющей черты новоевропейского субъекта – воли к реализации, не связана формой и нормой, границей и дистанцией, не исчерпывается сознательно-деятельностными характеристиками. В философии Розанова воля перемещается с уровня сознательной активности на уровень глубинно-телесный, и потому субъективность предполагает опыт телесности как необходимую основу, которая создает моё «Я» в опыте боли, страдания, дыхания. Русский мыслитель предполагает возможность обретения в пространстве повседневного новой становящейся субъективности, не скованной властными интенциями, естественно-вариативной, включенной в равноправный диалог с миром сущего.

УДК 130.2

ПЕРЕВОД КАК ФЕНОМЕН ДИАЛОГА КУЛЬТУР*

А.Т. Кулсариева
Алматы, Казахстан

Перевод представляет собой многогранный объект изучения. Вопросы перевода могут рассматриваться с различных точек зрения – философской, культурологической, литературоведческой, языковедческой, психологической и т.д. Философию перевода как максимально возможный уровень общих представ-

лений о переводе нельзя отождествлять с теорией перевода, хотя она может быть представлена как наиболее обобщенная и отвлеченная от конкретных аспектов непосредственной языковой деятельности теория. Изучение перевода в плане философии, культурологии невозможно без изучения его языковой природы, т.е. философско-культурологический анализ перевода будет непосредственно связан с философией языка, с философией культуры. Поскольку культура являет себя прежде всего в языке, язык есть истинная реальность этой самой культуры. Одновременно эта реальность способна ввести своего творца – человека в саму культуру.

Перевод, как вид духовной деятельности человека, восходит еще к глубокой древности. Он всегда играл существенную роль в истории культуры всего человечества. С середины XX столетия переводческая деятельность во всех своих разновидностях приобрела невиданный ранее размах из-за все возрастающей интенсивности международных контактов. Особую важность перевод обретает в наши дни, когда благодаря развитию технических средств, в общемировой коммуникативный процесс вовлечено подавляющее большинство существующих этнокультурных образований.

«Чужое вмиг почувствовать своим» – этой коммуникативной стратегии культуры существенно помогает перевод, поскольку он обеспечивает межкультурную коммуникацию на уровне текстов. В определенном смысле каждое культурное действие может быть рассмотрено как коммуникативное, ибо оно содержит и выражает определенную информацию. А в переводе коммуникативный аспект культурно значимого действия перерастает в диалог культур.

Поэтому я рассматриваю перевод как один из каналов коммуникации культуры, обеспечивающий конструктивный диалог культур. Сам же диалог культур предполагает паритетное сближение субъектов культурного процесса, когда они, не стремясь доминировать, «вслушиваются» друг в друга, «содействуют» друг другу.

Всякий переводчик, изучающий язык какой-либо культуры, тем самым становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык. Также при рассмотрении перевода как культурного посредника я уделяю внимание маргинальной, в определенном смысле, личности переводчика. Но маргинальная личность мною трактуется исключительно позитивно, т.е. как продукт взаимопроникновения, диалога двух культур, обладающий творческой «избыточностью видения» Другого.

Как правило, большое число проблем возникает при переводе информации с одного языка на другой. Наибольшую трудность при соприкосновении с чужой культурой вызывает невозможность овладеть ее символическим пространством вследствие незнания ее культурного кода. Очевидно, что абсолютно точный перевод невозможен из-за разных картин мира, создаваемых разными языками. Само освоение другого языка, а также его применение – будь то живое общение или перевод – опосредствуют новую позицию «прежним видением мира».

Поскольку у каждого народа имеется свой способ концептуализации отношения к миру, то при культурологическом рассмотрении перевода следует обратить особое внимание на понятие «картина мира». Картина мира строится на изучении представления человека той или иной культуры о мире в целом. Оно состоит из системы образов, из системы смыслов, уникальных для каждого языка, для каждой национальной культуры. Самая серьезная трудность заключена именно в этом, т.е. в переводе этих образов, создаваемых каждым языком по-своему, в переводе смыслов из одной культурной парадигмы в дру-

гие. Ж. Деррида прав, говоря об онтологической относительности любого перевода. Очевидно, что абсолютно точный перевод невозможен.

XX столетие отмечено принципиальными прорывами цивилизации – информационными технологиями, всепроникающими масс-медиа, успехами урбанизации, демократизации, началом глобализационно-интеграционных процессов. Тенденции современной информационно-урбанистической цивилизации к тотальной стандартизации, к нивелировке национальной и религиозной самобытности, к унификации не только политико-экономических, но и духовных структур привели к тому, что мы сегодня становимся свидетелями повсеместного оживления национального самосознания, стремления народов к сохранению и воспроизводству своей культурной идентичности, самобытности, одним словом, мы становимся свидетелями развертывания идеи национального возрождения. Но, к сожалению, не всегда и не везде процессы национального ренессанса проходят так гладко, так демократично, как хотелось бы, и в результате – иные проявления национального возрождения порой угрожают гражданскому и международному миру.

В периоды глубинных перемен, происходящих в обществе, всегда актуализируется проблема понимания. Как отмечал Г. Гадамер, «она встает всякий раз, когда терпят крах попытки установить взаимопонимание между регионами, нациями, блоками и поколениями...» [1, с. 43]. Национальное возрождение в наше беспокойное время предполагает не замыкание на своей «самости», не консервацию архаических представлений того или иного народа, а раскрытие коммуникативного потенциала его культуры.

Перевод достаточно хорошо изучен как лингвистическая, психолингвистическая, литературоведческая проблема, в то время как культурологический подход к исследованию перевода как средства взаимного сближения национальных культур является сегодня достаточно новым. Именно он позволяет показать взаимообогащение культур через перевод.

Список литературы

1. Гадамер Г. Актуальность прекрасного. – М.: 1991.

УДК 18

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАГЕДИИ СОФОКЛА «ЦАРЬ ЭДИП»

С.В. Шевцов

Днепропетровск, Украина

Обращение к Софоклу и его трагедии «Царь Эдип» возникло в ходе прояснения трансцендентально-антропологических оснований поэтического мышления. История злосчастного сына Лайя и Иокасты, скитальца, разгадывателя загадок, отцеубийцы, кровосмесителя, уходящая корнями в Фиванский мифологический цикл, вдохновлявшая Эсхила, Л.А.Сенеку, П.Корнеля, Вольтера, Г.Гюго, В.Озерова, Ж.Кокто, А.Жида, И.Стравинского, Дж.Энеску, П.П.Пазолини и др., ставшая благодаря гению Софокла абсолютным вопло-